

Стефан Домусчи, священник

НРАВСТВЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА В ХРИСТИАНСКОМ БОГОСЛОВИИ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Аннотация. *Сравниваются богословские и народные представления о нравственном мире человека. Особое внимание уделяется феномену совести как проецирующему нравственный портрет человека. В качестве материала, представляющего народную культуру, взяты пословицы, лаконично и ярко отражающие специфику народного сознания. Кроме того, отмечается, что важнейшие аспекты феномена совести, отраженные в пословицах, очевидным образом коррелируют с аспектами богословскими.*

Ключевые слова: *совесть; нравственность; мировоззрение; этика; пословицы.*

Abstract: *The article dwells upon popular ideas of the human moral views. The materials used include the proverbs that laconically and brightly reflect the specific nature of popular world perception. The sphere of morality itself is represented as the one with a complex structure that is being formed gradually and in tight connection with the language and culture. During the study, special attention is paid to the phenomenon of consciousness as it sufficiently renders the moral portrait of a person. Besides, the article notes that the most important aspects of the phenomenon of consciousness, reflected in proverbs, evidently correlate with theological ones.*

Keywords: *conscience; morality; philosophy; ethics; proverbs.*

Процесс
формирования
мировоззрения
и его особенности

О человеческом мировоззрении как системе знаний и представлений нельзя сказать, что оно окончательно сформировано, так как любой новый опыт, как и новая информация, могут способствовать его изменению. Мы живем и формируемся одновременно в нескольких сферах: в обыденной жизни, культурной, научной, религиозной. Наиболее притязательны наука и религия, поскольку именно они претендуют на целостное и адекватное описание действительности. Рассуждая об этом, Г.К. Честертон писал: «...фраза “У каждого своё мировоззрение, вот это – моё, оно мне подходит” – знак слабости. Воззрение на мир создаётся не для того, чтобы подходить человеку; оно создаётся, чтобы подходить миру. Частная вера так же немислима, как частное солнце или частная луна» [1, с. 169–170]. Пословицы рождаются в народном сознании и в то же время воспри-

Наука, философия, религия и культура как составляющие части мировоззрения

Методы исследования богословских и паремийных текстов

Соотношение языковой и нравственной картины мира

Важность философии и религии и их отличие от науки

нимаются отдельным человеком как данность, не требующая обоснований.

Целью статьи является сравнение представлений о совести как ключевой категории нравственного сознания, которые сформировались в рамках религиозно-философской и народной картин мира.

С самого начала необходимо учитывать разницу методологий работы с богословскими текстами и текстами паремийными*. В отличие от пословиц, изобилующих метафорами, эпитетами, олицетворениями и проч., богословские тексты конкретны и стремятся избежать возможной двусмысленности. В свою очередь, это означает, что изложение нравственной картины мира, содержащейся в богословских текстах, является в большей степени систематизацией, в то время как работа с пословицами предполагает не только систематизацию, но и кропотливую экспликацию смыслов.

Прежде чем говорить о совести в богословии и народной культуре, стоит сказать несколько слов о связи языковой и нравственной картин мира. Человек живет в мире слов и смыслов в созданной человечеством реалии образно-знаковых систем [2, с. 102–146]. В эту реалию среди прочих составляющих входят слова и идеи (в их значениях и смыслах). Несомненно, в формировании мировоззрения участвуют чувства, однако, несмотря на эмоциональную составляющую, человек стремится к поименованию всего, что оказывается для него значимым. Осмысляя мир, он как бы набрасывает на него языковую сеть. Формируемые в смысловом поле различных языков, слова и понятия приобретают различные оттенки, что непременно проявляется в нравственной сфере. Не случайно, говоря о связи языка и мировоззрения В. фон Гумбольдт писал, что «различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и чувства являются в действительности различными мировидениями» [3, с. 370].

В то же время очевидно, что и сам язык, и мировоззрение, складывающееся на его основе, есть явление динамичное и живое. Одним из важнейших факторов, имеющих ключевое значение в становлении представлений о мире, являются религиозные и философские идеи. В отличие от науки, философия, религия и нередко культура формируют тот аксиологический компонент

* *Паремия* (от др.-греч. παροιμία – поговорка, пословица, притча) – устойчивая фразеологическая единица, представляющая собой целостное предложение дидактического содержания.

картины мира, который позволяет человеку отвечать не только на вопрос «Что есть то или иное явление действительности?», но и «Какова цель его существования?» и «Как ему этой цели достигнуть?».

Иными словами, нравственные категории и идеи, приходящие в язык народа из религиозных и философских традиций, обогащают его и наполняют многие слова новым и подчас более глубоким содержанием. Более того, если вслед за большинством религиозных исследователей признать, что адиафоры* как нравственно безразличного не существует, в моральный контекст оказываются включены *весь язык и вся культура*. В свою очередь, это значит, что всё в мире не только получает имя (название), но и осмысливается нравственно.

Христианский
взгляд на
нравственный закон
в человеке

Развиваясь в основном в грекоязычной среде, православное богословие усвоило не только многие античные термины, но и те черты философской, по преимуществу платонической или аристотелевской, антропологии, которые не противоречили христианским представлениям, а иногда даже способствовали более полному усвоению библейских идей эллинистическим миром.

Несмотря на то что само слово *совесть* возникло задолго до христианства, именно в нем оно обогатилось новыми по отношению к античному значению смыслами и приобрело большую часть современных коннотаций. В этой связи необходимо дать по возможности краткое описание богословских представлений о совести, которое позволило бы, с одной стороны, проследить возможное влияние последних на народную культуру, а с другой – увидеть ее самобытность и глубину.

Совесть как часть
человеческой
природы является
способностью
к различению добра
и зла

Ключевая идея, характеризующая богословское восприятие нравственного, состоит в том, что Бог является высшим добром и источником человеческих представлений о добре и зле, о нравственном и безнравственном. Нравственное сознание человека дано ему Богом при сотворении, и его наличие – часть замысла Творца. Принятие этой идеи в качестве истинной позволяет религиозному человеку осмыслять само понятие нравственного не только в качестве этического, но и в качестве онтологического. Нравственное оказывается связано не только с категориями добра и зла, но с категориями должного и не должного. Иными словами, с богослов-

* *Адиафора* (от греч. ἀδιάφορος – неразличимый, безразличный) – термин античной этики для фиксации индифферентного, представляющего собой «морально-безразличное».

ской точки зрения способность к нравственной жизни – это не случайная характеристика человека, но способность, глубоко укорененная в самой природе человека, в его естестве. В святоотеческой литературе о совести говорится буквально, что она есть «помысл, который просвещает ум и показывает ему, что доброе и что злое... она есть естественный закон» [4, с. 53–54].

Совесть
неуничтожима
и всеобща

В качестве врожденного знания о добре и зле совесть неуничтожима и всеобща. Не случайно апостол Павел писал о язычниках, что они способны совершать нравственные поступки, потому что «дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их...» (Рим. 2:15). Продолжая его мысль, свт. Иоанн Златоуст говорил: «У нас есть достаточное руководство – совесть, и невозможно, чтобы кто-нибудь лишен был ее помощи. При самом сотворении человека вложено в него и познание того, что он должен делать» [5, с. 576].

Совесть
несовершенного
человека
несовершенна

Однако, вследствие того что принято называть грехопадением, совесть также подпадает под влияние «страстей» и уже не может являться абсолютным критерием. Ориентируясь на ее указания, человек в то же время призывается к тому, чтобы проверять их на соответствие духу Евангелия [6, с. 264]. Собственно, письменный закон потому и появляется, что нравственное зрение человека оказывается искажено. Письменный закон, приведенный в книгах Священного Писания, воспринимается не как плод человеческих усилий, но получает рациональное обоснование в рамках целостного религиозного мировоззрения.

В свою очередь, несовершенство совести означает, что человек имеет свободу выбора: прислушиваться или не прислушиваться к ее голосу [7, с. 230], руководствуясь в своих поступках и иными критериями: выгодой, нуждой и др. Подобная двойственность влечет за собой противоречия в сфере общественной морали, которая, с одной стороны, ориентирована на высшие ценности, с другой – приходит если не к одобрению, то, по крайней мере, к неосуждению тех или иных пороков, облекая их в «приличные одежды». Воспринимая общепринятую норму поведения, человек формирует свою идентичность как член данного народа или группы.

Для нерелигиозного
человека
общепринятая
мораль становится
источником
нравственных норм

Для нерелигиозного человека общепринятая мораль вообще становится почти исключительным источником нравственных норм. Человек религиозный также живет в обществе и не может быть свободен от общественного влияния. При этом следует специально отметить, что и сам религиозный закон, так или иначе

В народных представлениях основные составляющие нравственного: стыд, совесть, воля

реализуясь в конкретных обстоятельствах, получает некоторый культурный «извод».

Нравственный мир человека сложен. Говоря о структуре нравственного сознания, современные ученые строят сложные схемы взаимозависимых элементов бессознательной и сознательной, нравственной и биологической сторон жизни человека. В отличие от научного, в народных представлениях элементов нравственного в человеке не так много: *стыд, совесть, воля* и некоторые другие. Избрав совесть в качестве основного элемента, в котором отражаются основные аспекты нравственной жизни, стоит посмотреть на историю бытования этого понятия в русском языке.

Слово «совесть»: первые упоминания

По предположению Г.М. Прохорова, слово «совесть», встречающееся в письменных памятниках с XI века, должно было существовать задолго до этого, возможно, уже при Кирилле и Мефодии, а может быть, даже «при Кирилле Каппадокийском в VII в. или при блаженном Иерониме в IV в., – при первых переводах на славянский язык греческих церковных текстов» [8, с. 523].

Этимологическое значение слова «совесть» и его история

С точки зрения этимологии слово «совесть» довольно прозрачно. Являясь калькой греческого слова *συνείδησις*, оно появляется в старославянском как *съвѣсть* (приставка *со/съ* + корень *вѣдь*) [9, с. 705] и может быть буквально переведено как *со-знание* или *со-ведение*. На основании данных Старославянского словаря (по рукописям X–XI веков) [10, с. 644], чешского Словаря старославянского языка [11, с. 242] и Словаря древнего славянского языка по Остромирову Евангелию [12, с. 812] можно утверждать, что слово «совесть» на рубеже I–II тысячелетий н.э. было многозначным и в целом повторяло значения, существовавшие у его греческого прототипа.

Изменения в смысловом поле слова-понятия «совесть»

Довольно быстро слово «совесть» попадает в древнерусский, а затем и в современный литературный язык из старославянского. Не касаясь истории самих словоформ, обратимся к возможным изменениям в его смысловом поле. В словарной статье «Съвѣсть» И.И. Срезневский [13, с. 679–680] также указывает на то, что оно имело значение «разумение, понимание» (XI в., в оригинале *διάνοια*), «знание, ведение, согласие» (*греч. εἰδησεως*) и собственно «совесть» в этическом значении. В то же время на древнерусской почве данное слово могли использовать в значении «указание, воля» (в оригинале *ὑπόμνη*) и «чистота». Из этого следует, что, теряя значение «свидетельство», рассматриваемое слово приобретает в древнерусском языке два других значения.

При этом количество примеров с моральным значением значительно превышает количество всех остальных. Возможно, это говорит о постепенном выделении морального значения как основного.

Слово «совесть»
в собственно
славянских
источниках

Особенно важно свидетельство Словаря русского языка XI–XVII веков [14, с. 133–134], так как в нем приводятся уже не переводные, но собственно древнерусские источники. Так, его составители отмечают, что вплоть до XVII века слово *съвѣсть* употребляется в значении: 1 – разумение, понимание; 2 – знание, одобрение; 3 – указание, воля; 4 – образ мыслей и 5 – собственно нравственное сознание. В этом словаре, затрагивающем более поздние источники, преобладание нравственного значения становится уже совершенно очевидным. Если одно из самых ранних употреблений слова «совесть» в значении нравственного сознания и чувства находится уже в Изборнике Святослава 1076 г., то в XVII веке число подобных примеров значительно возрастает.

Здесь важно вспомнить, насколько популярными были в то время труды таких авторов, как прп. Иоанн Лествичник, прп. авва Дорофей и др. Это приводило к тому, что идея совести, глубоко осмысленная указанными авторами аскетических творений, становилась особенно значимой для духовных писателей того времени [15, с. 309].

Совесть как
нравственное
понятие в словаре
В.И. Даля

Уже в начале второй половины XIX века В.И. Даль указывает в своем Словаре лишь одно значение – нравственное. Совесть он определяет как «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке» [16, с. 351]. Крупнейшие словари современного русского языка также фиксируют одно значение слова «совесть», однако, в отличие от В.И. Даля, на первое место они ставят чувство, а не сознание. Это может быть свидетельством серьезных изменений в восприятии совести, произошедшем в сознании носителей старославянского, древнерусского и современного русского языков. Как мы видели, в слове «совесть», калькированном с греческого, долгое время сохранялись коннотации, связанные с разумом и знанием, что, вероятно, делало его область более предметной. Восприятие, отраженное современными словарями, где акцент переносится на чувство, делает область, связанную со словом «совесть» и его действием, более относительной и субъективной.

Связь совести
с Богом

Совесть связана с Богом и осознается человеком как Его голос: «Добрая совесть – глас Божий» [Там же]. Несмотря на привычность этого выражения, с богослов-

ской точки зрения понимать его возможно только в переносном смысле, так как совесть является частью тварной человеческой природы. Из другого варианта пословицы «Добрая совесть – глаз Божий. Добрая совесть любит обличение» [17] явствует, что она может осознаваться как ощущение божественного присутствия. Это чувство было знакомо праведному Иову, который, обращаясь к Всевышнему, говорил: «Что такое человек, что Ты столько ценишь его и обращаешь на него внимание Твое, посещаешь его каждое утро, каждое мгновение испытываешь его?» (Иов 7:17, 18). В то же время нельзя сказать, что это присутствие всегда легко переносилось самим Иовом. Оно оказывается мучительным для древнего страдальца настолько, что он взывает: «Доколе же Ты не оставишь, доколе не отойдешь от меня...?» (Иов 7:19). Вероятно, именно поэтому пословица подчеркивает, что незримое божественное присутствие и обличение любит лишь «добрая совесть».

Связь совести
с народом

В то же время из пословицы «Совесть – глаз народа» [18] следует, что нравственный мир человека связан не только с миром божественным, но и с социумом. Человек живет не только в ситуации постоянного незримого присутствия Бога, он живет «на миру», перед лицом общества, которое создает свои правила и следит за их исполнением.

Законодательная
функция совести

Являя мир должного, совесть оказывается связана с высоким уровнем внутренней дисциплины, о чем свидетельствуют пословицы «Работать не за страх, а за совесть» [19, с. 26] или «Служи не за страх, а за совесть» [Там же, с. 62]. Эти пословицы являются цитатами, хотя и несколько сокращенными, из послания апостола Павла: «Потому надобно повиноваться не только из *страха* наказания (*греч.* διὰ τὴν ὀργήν – из-за гнева), но и по совести» (Рим. 13:5). Рассуждая о том, что значит в данном случае «по совести», блаж. Феодорит Кирский говорит, что апостол указывает подчиняться «ради исполнения долга, – ибо это он именуется совестью» [20, с. 141]. В аскетической традиции известны три состояния человека: раб, который работает из-за страха наказания, слуга, который служит за награду, и сын, который исполняет волю Отца из-за любви [4, с. 59–60]. В контексте этого учения указанная пословица означает, что человек должен стремиться перейти из состояния раба в состояние сына как более совершенное и творить добро ради добра.

Совесть и другие
элементы нравствен-
ного сознания

Ряд пословиц свидетельствует о том, что совесть существует во взаимосвязи с другими элементами нрав-

ственного мира человека. Особенно близкими оказываются понятия совести и стыда: «В ком стыд, в том и совесть» [21, с. 373], «Есть совесть, есть и стыд, а стыда нет – и совести нет» [Там же]. При этом, говоря о стыде, обыкновенно понимают чувство, возникающее перед кем-то внешним, тогда как совесть оказывается явлением внутренней, сокровенной жизни. Исходя из приведенных пословиц, стыд – более непосредственное чувство, при отсутствии которого на появление совести как глубокого, интимного чувства можно не надеяться. Кроме того, совесть оказывается близкой понятию чести: «За совесть да за честь – хоть голову снести» [Там же]. Помрачение совести безнравственным поступком ведет к помрачению чести человека, ее осквернению. При этом честь оказывается не поругана или оскорблена, как бывает в случае внешнего на нее воздействия, но оскверняется самим человеком, преступившим внутренний нравственный закон.

Независимость
совести от внешнего
вида человека

Состояние совести совершенно не зависит от внешних обстоятельств и условий. Сами пословицы строятся как раз на противопоставлении существующего в народном сознании идеального образа тем поступкам, которые человек совершает в действительности. Причем под идеальным понимается не только умозрительный нравственно безупречный образ, но и вполне реальный, в котором гармонично и логично сочетаются внешнее и внутреннее. Например, внешний вид и возраст сами по себе не могут быть свидетельством какого-либо определенного состояния совести: «Волосом сед, а совести нет» [Там же, с. 444], «Бородка Минина, да совесть глиняна» [22, с. 178]. Первая из указанных пословиц говорит о том, что идеальный образ пожилого человека предполагает его совестливость, отсутствие которой воспринимается как исключение.

Купец Минин как
эталон совести

Пословица же, упоминающая купца Минина, сложнее и имеет историческую основу. Памятник купцу Минину, создателю Второго ополчения, и князю Пожарскому был очень любим народом и особо почитался купцами, так как подчеркивал роль купеческого сословия в одержанной победе 1612 года. Скульптор изобразил Минина с традиционной купеческой бородой, которая, с одной стороны, подчеркивала его происхождение, а с другой – не являлась гарантией того, что все купцы будут отличаться теми же нравственными качествами. Известная честность многих купцов, для которых данное ими слово было нерушимо, контрастирует с упоминаемой в пословице глиняной совестью, которая дове-

рия не вызывает. Однако внешность может быть обманчива не только в положительном смысле, создавая ложное благоприятное мнение, но и, что для народа тоже важно, в отрицательном. Так, из пословиц «Рожа кривая, да совесть прямая» [22, с. 246], «Рубаха черна, да совесть бела» [23, с. 375] ясно, что человек может быть некрасив и беден, но при этом честен и нравственно безупречен.

Чистоту совести не гарантирует ни социальное положение, ни материальное благосостояние

Подобные пословицы, построенные на противопоставлении внешнего и внутреннего, могут относиться к разным сферам. Гарантировать чистоту совести не может ни социальное положение: «Подпись – судейская, а совесть – лакейская» [24, с. 83], ни материальное благосостояние: «Богатый совести не купит, а свою погубляет» [21, с. 69], «Хоть мошна пуста, да совесть чиста» [18], ни религиозное благочестие: «Божница домашня, а совесть продажна» [21, с. 21]. Во всех этих случаях пословицы явно стремились показать всю несуразность расхождения внешнего и внутреннего: во-первых, подчеркивали недопустимость суждения о нравственном состоянии человека только по внешним признакам; во-вторых, метко указывали на несправедливость такого положения дел, когда возможно быть «Без совести, без чести, а на высоком месте» [19, с. 88].

Связана ли совесть с профессией и происхождением?

Интересно, что, в отличие от внешних факторов, содержание совестных советов и специфика их действия напрямую связаны с профессией и средой, в которой человек живет. Так, среди пословиц В.И. Даль приводит выражение: «Приказная, судейская, служивая, солдатская, драгунская, гусарская совесть» [21, с. 371]. Все эти «совести» представляются различными не столько по функциям, сколько по содержанию, то есть одинаково способны укорять за безнравственное и направлять к нравственному, но само представление о нравственном и безнравственном в них различно.

«Совесть зависит от знаний и от всего образа жизни человека»

К. Маркс писал об этом в свое время так: «Совесть зависит от знаний и от всего образа жизни человека. У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего – иная, чем у неимущего, у мыслящего – иная, чем у того, кто неспособен мыслить» [25, с. 140]. Однако дело не только в объективной оценке философов, основанной на понимании влияния социальных условий на совесть. Пословица рождается не из философских рассуждений, а из субъективной оценки конкретного человека, который воспринимает несоответствие чужого поведения своим представлениям о добре и зле не как отличие его совести от своей, но как бессовестность.

Каждая культура и профессия налагают на совесть свой отпечаток

Объективно верно, что поступок, который считает для себя позволительным судья, может считать непозволительным солдат, потому что при всей общности совести каждая профессия или культура налагают на нее свой отпечаток. В то же время субъективно и солдат, и судья будут считать поступки друг друга бессовестными, если они будут выходить за рамки их представлений о должном.

Связь совести с национальностью

Похожую мысль о зависимости совести от иных, внешних по отношению к ней факторов, мы встречаем в пословице «Душа христианская, да совесть-то цыганская» [21, с. 377]. В данном случае говорящий подчеркивает, что содержание совести и то, как именно она функционирует, может определяться не фактом крещения, но национальной принадлежностью. С народной точки зрения, этническая принадлежность выявляет черты родовые, более глубокие, характеризующие те или иные особенности поведения, в то время как религиозность является состоянием, в которое человек входит сознательно. Выражаясь в факте принятия христианства, религиозность может остаться внешней и не влиять на совесть и характер ее свидетельства, так как заповеди, характеризующие христианское поведение, требуют волевого усилия для усвоения.

Внутренняя связь совести с верой и религиозностью

В то же время, если волевое усилие совершается и человек принимает веру во всей ее полноте, его совесть вбирает в себя в качестве критериев добра и зла религиозные нормы. Для людей, вера которых была усвоена неформально, очевидно: «Менять веру – менять и совесть» [Там же, с. 23]. Объясняется это тем, что совесть верующего человека во многом формируется благодаря запретам и повелениям, соответствующим религиозной картине мира и нередко отличающимся друг от друга. Так, например, запрет на употребление той или иной пищи может быть важным в рамках одной религии и совершенно ничего не значить в другой. Разные религиозные законы формируют разные совестные свидетельства, и от того, насколько полно религиозные и нравственные нормы той или иной религии входят в жизнь человека, зависит то, в какой мере совесть на них ориентируется. В пословице о «цыганской совести» мы видим, что вера и совесть могут говорить о разном, в последней пословице, напротив, они чрезвычайно близки. Рассуждая об этом, известный славянофил И.В. Киреевский писал, что «совесть – это вера» и что «требовать одной совести ото всех людей – то же, что требовать одной веры» [26, с. 265].

Жизнь чужой
совести – явление
таинственное

Разница в содержании совестного свидетельства, с точки зрения народа, может определяться культурой или национальностью, сама же жизнь чужой совести остается явлением таинственным, которое невозможно свести к рациональному. Эта таинственность процессов, происходящих в совести другого, звучит в поговорке «Чужие люди – дремучий лес. Чужая совесть – могила» [21, с. 372]. В свою очередь, понимание того, что совесть другого непознаваема, рождает ощущение невозможности гарантировать что-либо в нравственной жизни другого, о которой так и говорится: «Не надейся на чужую совесть» [19, с. 78].

Совесть как
источник
нравственных
мучений

Особенно подробно говорится в поговорках о совести как нравственном регуляторе и источнике нравственных мучений. Болезнь и угрызения совести – один из самых ранних аспектов ее деятельности, известный еще древним грекам и египтянам.

Обремененная грехами «совесть спать не дает» [16, с. 351], потому что «у кого совесть не чиста, тому и тень кочерги виселица!» [Там же]. Ее наказание очень сурово, неслучайно: «Злая совесть стоит палача» [21, с. 377], она «Беззуба, а с костями сглохнет (или съест)» [Там же, с. 373]. Такое восприятие совести, очевидно, связано с тем, что «от человека утаишь, от совести не утаишь» [16, с. 351].

Добрая совесть

Напротив, добрая совесть характеризуется крайне редко, о ее носителе говорят: «У кого совесть чиста, у того подушка под головой не вертится» [21, с. 373]. Явная диспропорция поговорок, в которых упоминаются «злая/нечистая» или «добрая/чистая» совесть, вовсе не случайно. Народное сознание чаще указывает на состояние, выходящее за рамки нормы, подчеркивая тем самым его исключительность, ненормальность.

Нередко совесть воспринимается не как внешний судья, но как болезнь самого человека: «Болезнь совести, что больной зуб» [19, с. 68], «Твоя совесть, что лихая болезнь» [21, с. 377].

Смысл совестных
мучений

Однако эта болезнь души не бессмысленна. Через мучения происходит напоминание человеку о должном: «Совесть с молоточком: и постукивает и наслушивает» [24, с. 319]. Суть этого действия в том, чтобы спасти человека от окончательного нравственного падения: «Грехам не съест, коли совесть еще есть» [Там же].

Человек может
воздействовать
на совесть

В то же время опыт межличностных отношений, как и переживание собственного несовершенства, приводят к пониманию того, что состояние самой совести может быть далеко от идеального. Это состояние

расслабленной совести ярко отражено в пословицах: «У тебя совесть, что розвальни: садись да катись» [21, с. 376], «У него совесть мешок: что хочешь положи» [16, с. 351]. Она может подвергаться поруганию: «Напала совесть и на свинью, как отведала полена» [Там же]. Болезнь совести переходит в ее окаменение: «Заскорузлой совести не проймешь» [21, с. 376], она перестает реагировать на безнравственное: «У него совесть – дырявое решето» [Там же]. В последнем случае имеется в виду, что совесть как нравственный фильтр должна бы отсеивать плохие поступки, но не делает этого.

Иногда человек настолько пренебрегает совестью, что выглядит как бессовестный

Человек, так поступивший с совестью, производит ощущение вовсе бессовестного: «У него совести ни на полушку нет» [Там же, с. 375] и буквально унижающего совесть: «Стыд под каблук, совесть под подошву» [Там же]. Она оказывается мертвой: «У него совесть еще в прошлом году в бутылке задохлась» [Там же, с. 376] и лишней: «К кафтану (к коже) совести не пришьешь» [Там же, с. 377].

Как человек становится «бессовестным»?

Очень важно при этом понимать, что отсутствие или изменение совести связано с сознательным нравственным выбором личности. Зная, что «без совести все позволительно» [19, с. 68], человек борется с ней ради возможных выгод: «Кто без совести живет, тому пуще везет» [Там же], «Хочешь деньги нажить, надо совесть заложить» [24, с. 267], «Совесть нужна, да не всегда полезна» [19, с. 68]. Хотя бессовестность может осознаваться и как результат нужды: «Брюхо вытрясло, да и совесть вынесло» [21, с. 370], лучше не позволять себе безнравственных поступков, за которые потом придется отвечать: «С его совестью жить хорошо, да умирать страшно» [Там же, с. 377]. Именно поэтому искать прибыли можно, только если это не разрушает душевного мира и не противоречит совести: «Мене живет барыша, коле совесть в торгу хороша, да спокойна бывает душа» [24, с. 258].

Даже у того, кто кажется бессовестным, совесть все равно есть

Впрочем, отсутствие совести для многих оказывается лишь желанной иллюзией, так как: «Совесть в карман не положишь» [19, с. 68], «Как ни мудри, а совести не перемудришь» [21, с. 374], «С совестью не разминуться» [Там же]. На рубеже IV–V веков свт. Иоанн Златоуст писал о силе совести: «Подлинно, хотя бы кто был безмерно порочен, суд совести не истребляется, потому что он – от природы и внедрен в нас Богом вначале. Какие бы мы ни употребляли усилия, он остается, взывая, осуждая, наказывая...» [27, с. 84].

Народное понимание совести близко к богословскому, но обладает важными самобытными чертами

Народные представления о нравственном сознании во многом совпадают с богословскими, хотя и имеют свои самобытные черты.

Самым важным оказывается то, что в образе совести, созданном в пословицах, есть место напряженности между двумя полюсами: *высоким происхождением нравственного в человеке и его наличным состоянием*. Совесть, которая связана с Богом, с Его незримым присутствием в жизни человека, оказывается не только неусыпным судьей и неложным свидетелем, как о ней принято говорить в богословской литературе, но подвергается очевидному влиянию общественной жизни, ориентируется не только на заповеди, но и на нравственное состояние общества. В своей рациональной части совесть часто усваивает в качестве руководства к действию те нравственные нормы, в которых человек растет и формируется как личность.

Советь влечет человека к чистой и праведной жизни

В то же время совесть не подстраивается под существующие законы до конца, но влечет человека к чистой и праведной жизни. Судя по количеству пословиц, посвященных очищающему действию совести, это одно из самых важных ее призваний. Причем совесть не только вступает в противоборство с грехами человека, но находит поддержку и в других чувствах – в стремлении человека к миру с собой, с людьми и с Богом.

1. *Честертон Г.К.* Неожиданный Честертон: Рассказы. Эссе. Сказки / пер. с англ. Н. Трауберг. – М., 2002.
2. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 5-е изд., испр. и доп. – М., 2017.
3. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. – М., 1985.
4. *Дорофей Газский, авва, прп.* Душеполезные поучения, послания. – Калуга, 1895.
5. *Иоанн Златоуст, свт.* Беседа на книгу Бытия 54 // Творения: в 12 т. Т. 4. – Кн. 2. – СПб., 1898.
6. *Феофан Затворник (Говоров), свт.* Начертание христианского нравоучения. – М., 1891.
7. *Иоанн Дамаскин, прп.* Источник знания / пер. с древнегреч. и коммент. Д.Е. Афиногенова и др. – М., 2002.
8. *Прохоров Г.М.* Древнерусское слово «сѣвъѣсть» и современные русские слова «совесть» и «сознание» // Труды отдела древнерусской литературы: в 64 т. Т. 55. – 2004. – С. 523–535.

9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. III. – М., 1987.
10. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Ок. 10 000 слов / сост. Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под. ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М., 1994.
11. Словарь старославянского языка: в 4 т. Т. 4. Репр. изд. – СПб., 2006.
12. Словарь древнего славянского языка по Остромирову евангелию / сост. Ф. Миклошич, А.Х. Востоков, Я.И. Бередников, И.С. Кочетов. – СПб., 1899.
13. *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 3. – СПб., 1912.
14. Словарь русского языка XI–XVII веков. – Вып. 23. – М., 1996.
15. *Шпидлик Т.* Русская идея: иное видение человека: пер. с фр. – СПб., 2006.
16. *Даль В.И.* Совесть // Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. – СПб.; М., 1909. – С. 351.
17. *Распопов В.В.* Русские пословицы и поговорки. – URL: http://samlib.ru/r/raspopov_w_w/russkieposloviceyipogoworki.shtml (дата обращения: 15.09.2014).
18. Пословицы и поговорки о мудрости. – URL: <http://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-o-sovesti> (дата обращения: 03.10.2014).
19. *Соловьева Л.В.* Не в бровь, а в глаз. Пословицы и поговорки Псковской и Ленинградской области. Бабушкины байки. – Гатчина, 2001.
20. *Феодорит Кирский, блаж.* Творения: в 7 ч. Ч. 7. – М., 1861.
21. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 2 т. Т. 1. – СПб.; М., 1879.
22. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. в 2 т. Т. 2. – СПб.; М., 1879.
23. *Даль В.И.* Белый // Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. – СПб.; М., 1903. – С. 375.
24. *Иллюстров И.И.* Сборник российских пословиц и поговорок. – Киев, 1904.
25. *Маркс К., Энгельс Ф.* Процесс Готшпалька и его товарищей // Сочинения: в 50 т. Т. 6. – М., 1957. – С. 139–147.
26. *Киреевский И.В.* Письмо 28 А.И. Кошелеву, 15 окт. 1853 г. // Полное собрание сочинений: в 2 т. Т. 2 / под ред. М. Гершензона. – М., 1911. – С. 264–272.
27. *Иоанн Златоуст, свт.* Беседа на псалом 7 // Творения: в 12 т. Т. 5. – Кн. 1. СПб., 1899.

References

1. Chesterton G.K. *Neozhidannyj Chesterton: Rasskazy. Esse. Skazki*. Per. s angl. N. Trauberg. Moscow, 2002. (in Russian)
2. Mukhina V.S. *Lichnost': Mify i Real'nost' (Alternativnyj vzglyad. Sistemnyj podkhod. Innovatsionnye aspekty)*. 5-e izd., ispr. i dop. Moscow, 2017. (in Russian)
3. Gumbol'dt V. fon. *Yazyk i filosofiya kul'tury*. Moscow, 1985. (in Russian)
4. Dorofej Gazskij, avva, prp. *Dushepoleznye poucheniya, poslaniya*. Kaluga, 1895. (in Russian)
5. Ioann Zlatoust, svt. Beseda na knigu Bytiya 54. In: *Tvoreniya*. V 12 t. T. 4. Kn. 2. St. Petersburg, 1898. (in Russian)
6. Feofan Zatvornik (Govorov), svt. *Nachertanie khristianskogo nravoucheniya*. Moscow, 1891. (in Russian)
7. Ioann Damaskin, prp. *Istochnik znaniya*. Per. s drevnegrech. i komment. D.E. Afinogenova i dr. Moscow, 2002. (in Russian)
8. Prokhorov G.M. Drevnerusskoe slovo “сѣвъѣсть” i sovremennye russkie slova “sovest” i “soznanie”. In: *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*. V 64 t. T. 55. 2004, pp. 523–535. (in Russian)
9. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*: V 4 t. T. III. Moscow, 1987. (in Russian)
10. *Staroslavjanskij slovar' (po rukopisyam X–XI vekov)*. Ok. 10 000 slov. Sost. E. Blagova, R.M. Tsejtlin, S. Gerodes i dr. Pod. red. R.M. Tsejtlin, R. Večerki, E. Blagovoj. Moscow, 1994. (in Russian)
11. *Slovar' staroslavjanskogo yazyka*: V 4 t. T. 4. Repr. izd. St. Petersburg, 2006. (in Russian)
12. *Slovar' drevnego slavyanskogo yazyka po Ostromirovu evangeliyu*. Sost. F. Mikloshich, A. Kh. Vostokov, Ya.I. Berednikov, I.S. Kochetov. St. Petersburg, 1899. (in Russian)
13. Sreznevskij I. I. *Materialy dlya Slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam*. V 3 t. T. 3. St. Petersburg, 1912. (in Russian)
14. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov*. Vyp. 23. Moscow, 1996. (in Russian)
15. Shpidlik T. *Russkaya ideya: inoe videnie cheloveka*. Per. s fr. St. Petersburg, 2006. (in Russian)
16. Dal' V.I. Sovest'. In: *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. V 4 t. T. 4. St. Petersburg; M., 1909, pp. 351. (in Russian)
17. Raspopov V.V. *Russkie poslovitsy i pogovorki*. URL: http://samlib.ru/r/raspopov_w_w/russkieposlowi

cyipogoworki.shtml (data obrashcheniya: 15.09.2014). (in Russian)

18. *Poslovitsy i pogovorki o mudrosti*. URL: <http://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-o-sovesti> (data obrashcheniya: 03.10.2014). (in Russian)

19. Solov'eva L.V. *Ne v brow', a v glaz. Poslovitsy i pogovorki Pskovskoj i Leningradskoj oblasti. Babushkiny bajki*. Gatchina, 2001. (in Russian)

20. Feodorit Kirskij, blazh. *Tvoreniya*. V 7 ch. Ch. 7. Moscow, 1861. (in Russian)

21. Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda*. V 2 t. T. 1. St. Petersburg; M., 1879. (in Russian)

22. Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda*. V 2 t. T. 2. St. Petersburg; M., 1879. (in Russian)

23. Dal' V.I. Belyj. In: *Tolkovnyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. V 4 t. T. 1. St. Petersburg; M., 1903, pp. 375. (in Russian)

24. Illyustrov I.I. *Sbornik rossijskikh poslovits i pogovorok*. Kiev, 1904. (in Russian)

25. Marks K., Engel's F. Protsess Gotshtal'ka i ego tovarishchej. In: *Sochineniya*. V 50 t. T. 6. Moscow, 1957, pp. 139–147. (in Russian)

26. Kireevskij I.V. Pis'mo 28 A.I. Koshelevu, 15 okt. 1853 g. In: *Polnoe sobranie sochinenij*. V 2 t. T. 2. Pod red. M. Gershenzona. Moscow, 1911, pp. 264–272. (in Russian)

27. Ioann Zlatoust, svt. Beseda na psalom 7. In: *Tvoreniya*. V 12 t. T. 5. Kn. 1. St. Petersburg, 1899. (in Russian)

